

11.04.2022 17:49:00

Энергетическое саморазрушение Европы

ЕС усугубляет свой рукотворный кризис, декларируя отказ от российского энергоимпорта

 Андрей Конопляник (/authors/49975/)

Об авторе: Андрей Александрович Конопляник - доктор экономических наук, профессор, член Научного совета РАН по системным исследованиям в энергетике.

Тэги: европа (/search/tags/?tags=европа), энергетический кризис (/search/tags/?tags=энергетический кризис), антироссийские санкции (/search/tags/?tags=антироссийские санкции), контрсанкции (/search/tags/?tags=контрсанкции), виэ (/search/tags/?tags=виэ), водород (/search/tags/?tags=водород), украина (/search/tags/?tags=украина), военная спецоперация (/search/tags/?tags=военная спецоперация)

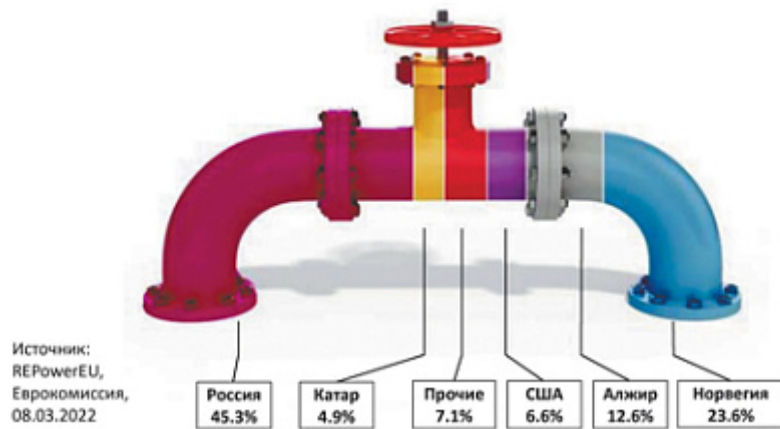
Изложенные взгляды отражают личную позицию автора и являются исключительно его персональной ответственностью / www.konoplyanik.ru (<http://www.konoplyanik.ru>)

- **Все статьи по теме "Санкционные войны"** (<http://www.ng.ru/themes/sanctions/>)
- **Все статьи по теме "Специальная военная операция в Украине"** (<https://www.ng.ru/themes/24022022/>)

(<https://www.ng.ru/themes/24022022/>)

Сегодня большинство западных обозревателей считают, что истинной причиной энергетического кризиса в Европе являются действия России, и в особенности начавшаяся 24 февраля с.г. «специальная военная операция» (СВО), имеющая целью демилитаризацию и денацификацию Украины. Но с точки зрения автора, последствия февральских событий (новый виток антироссийских санкций сначала в ответ на признание Россией ДНР и ЛНР 22 февраля, а затем и на СВО, и последующая мгновенная реакция рынков на эти события) лишь усугубили кризисную ситуацию, сложившуюся в энергетике Европы начиная с середины 2021 года, то есть задолго до февральских событий года нынешнего. Эта кризисная ситуация явилась результатом предшествующих рукотворных действий руководства ЕС, его законодателей и регуляторов, которые посредством насаждаемых сверху административных реформ выстроили современную архитектуру внутреннего европейского рынка газа, очень чутко и нервно реагирующего на любые изменения на спотовых рынках (то есть рынках разовых сделок), особенно на конкуренцию между Европой и Азией за портфельные поставки «гибкого» (потому что может плыть в разных направлениях, в отличие от трубопроводного газа) СПГ. Санкции против России, с их прямыми и возвратными эффектами (каждый вводящий санкции вводит их одновременно и против себя), еще более усугубили негативные последствия для самой Европы. И продолжают их усугублять через отложенные эффекты неизбежных контрсанкций (или вследствие изменения действующего порядка отношений России и Европы в условиях санкционных

Рисунок 1. Страновая структура импорта природного газа в ЕС в 2021 г.

действий и ограничений, как, например, переход к оплате газа за рубли), а также через их долговременные мультипликативные эффекты (петли обратных связей) за пределами энергетических отраслей.

Автор убежден, что Россия и Европа теснейшим образом взаимосвязаны и взаимозависимы сквозь череду веков общими страницами культурной и экономической истории, хотя временами с противоположными коннотациями и реминисценциями каждой из сторон. В энергетике теснота связей и взаимозависимость сторон усугубляются на инженерно-техническом уровне - поскольку мы неразрывно связаны общей

трансграничной стационарной капиталоемкой крупномасштабной протяженной диверсифицированной инфраструктурой. Которая могла бы стать хорошей основой для формирования сначала «общего экономического пространства от Лиссабона до Владивостока» (если кто-то еще сегодня помнит эту обоюдостороннюю инициативу, активно продвигавшуюся много лет назад), а в итоге, по мнению автора, будет неизбежно востребована как необходимая технологическая основа в рамках формирующегося (в ответ на объективные вызовы) евро-азиатского энергетического пространства.

Поэтому в обоюдных интересах ЕС и России продолжать сотрудничество, особенно в энергетике, что приведет в том числе к росту благосостояния европейских и российских граждан и упрочит конкурентные позиции обеих сторон на мировых рынках. Хотя, конечно, «новая нормальность», которая неизбежно должна будет установиться после текущих политических турбулентностей, проходящих ныне через высшую фазу размежевания сторон за последние годы, будет отличаться от системы прошлых экономических - и энергетических - отношений. Это - как бы парадоксально ни прозвучало данное мое высказывание для многих - откроет новые возможности для России и ЕС в рамках «новой нормальности», построенной на новых реалиях.

И это я утверждаю в период взрывного роста антироссийских санкций и настроений в Европе и нарастающего вала призывов многочисленных европейских (и не только) политиков и международных СМИ разорвать энергетические отношения с Россией и отказаться полностью от российских энергоресурсов. А то и вообще от любых экономических отношений с Россией (есть и такие горячие головы).

Спорные планы МЭА и ЕК

3 марта МЭА в своем плане из 10 пунктов и 8 марта ЕК в своей программе REPowerEU (я бы перевел как «Перезагрузи ЕС!») представили свои предложения, как сократить зависимость ЕС от российского газа на одну треть и две трети соответственно до конца 2022 года. С учетом того что, по данным МЭА, импорт российского газа в ЕС в 2021 году составил 155 млрд куб. м, это означает сокращение на 50 млрд и 100 млрд куб. м в течение девяти месяцев, оставшихся до конца года на момент выдвижения предложений.

Президент Еврокомиссии Урсула фон дер Ляйен, выступая 8 марта в Страсбурге, заявила: «Мы должны стать независимыми от российской нефти, угля и газа. Мы просто не можем полагаться на поставщика, который нам явным образом угрожает. Мы должны действовать немедленно, чтобы смягчить влияние растущих энергетических цен, диверсифицировать наши газовые поставки к следующей зиме и ускорить переход к чистым источникам энергии. Чем быстрее мы перейдем на ВИЭ и водород, наряду с повышением энергоэффективности, тем быстрее мы станем

действительно независимыми...» Но «растущие энергетические цены» являются результатом рукотворных действий ЕС по формированию рыночной архитектуры, опирающейся на нервные спотовые котировки и торговлю в хабах. «Диверсифицировать к следующей зиме» означает найти новых поставщиков вместо существующих контрактных обязательств «Газпрома», которые не могут быть разорваны в одностороннем порядке ни поставщиком, ни покупателем без выплаты прописанных в контрактах штрафных санкций. И которые «Газпром» не имеет намерения прекращать до истечения сроков действия контрактов на поставку, о чем неоднократно заявлялось на высших уровнях руководства компании и страны. «Ускорить переход к чистым источникам энергии» означает поменять всю технологическую структуру экономики, поскольку невозможно в одночасье влить новое вино в старые меха и заменить молекулы на электроны, особенно в отраслях конечного использования энергии, а в некоторых из них (например в дальней авиации) такая замена в принципе технически невозможна в сколь-либо обозримой перспективе. И так далее. И что это за «явные угрозы» России Евросоюзу, когда именно ЕС постоянно вводит все новые и новые санкции против России, и неважно, по собственной инициативе или в рамках североатлантической солидарности...

Европейские лидеры планируют стать полностью независимыми от российских энергопоставок до 2030 года (на версальском саммите глав государств и правительств Евросоюза 10-11 марта прозвучала дата - к 2027 году), в то время как сегодня ЕС, по данным Еврокомиссии, в потреблении газа зависит на 90% от импорта, 45% которого приходится на долю России (рис. 1), однако цифры очень существенно разнятся по отдельным странам ЕС. Россия покрывает четверть импорта сырой нефти (плюс, добавлю, значительную долю импорта нефтепродуктов - достаточно вспомнить рынок русского дизтоплива в Северо-Западной Европе) и 45% импорта угля ЕС.

На состоявшихся в Брюсселе 24 марта одновременно сразу трех саммитах - ЕС, НАТО и «группы семи» - их лидеры «под руководством президента США» объявили об очередном наборе санкций против России. Для ЕС это уже пятый санкционный пакет. Однако ожидавшегося объявления эмбарго на закупки российской нефти со стороны ЕС вслед за США и Великобританией 24 марта в Брюсселе не произошло.

Предлагаемые меры по уходу от импорта российских энергоресурсов - что МЭА, что особенно ЕК, - на мой взгляд, абсолютно нереалистичны в заданных временных рамках (ЕК: обнуление импорта к 2027 году) и уж тем более до конца текущего года. За девять месяцев нельзя создать новую технологическую структуру экономики, тем более не в рамках одной гомогенной юрисдикции, а в рамках 27 все еще сохраняющих свой частичный суверенитет от Брюсселя государств ЕС, в разной степени зависящих от энергетического импорта из России.

Практически все эти меры по замещению российских энергопоставок либо имеют капиталоемкий, а потому долгосрочный характер (ВИЭ, водород, энергоэффективность), либо опираются на искаженное представление авторов предлагаемых мер о сегодняшних рыночных реалиях. Как, например, предлагаемое замещение гарантированных контрактных поставок по ДСК (в которых гарантии поставок защищены оговорками «бери-и/или-плати», действующими в отношении как поставщика, так и покупателя) с формальным ценообразованием (обеспечивающим ныне много меньшие контрактные цены, чем спотовые котировки в Европе) по стационарной и потому негибкой (не позволяющей одновременно уйти на другие рынки) трубопроводной инфраструктуре поставками «гибкого» СПГ, с преимущественно спотовым ценообразованием для Европы. Причем половина СПГ на глобальном его рынке - это портфельные поставки, нацеленные на арбитражные операции. Такие предложения выглядят скорее как пропагандистские для непросвещенного обывателя, как демонстрация политическим руководством ЕС своему электорату необходимой (потому что ожидаемой) немедленной политической реакции на взлет цен и энергетический кризис на рынке ЕС.

Возникают два традиционных вопроса: «кто виноват?» и «что делать?» В международной политике наиболее популярным (а потому для политиков популистов наиболее эффективным) ответом на первый вопрос зачастую является первоначальное стремление найти и недвусмысленно обозначить внешнего врага в качестве источника всех бед. В данном случае Россия в очередной раз выбрана на роль такого внешнего источника всех бед, а СВО в Украине преподносится как якобы наглядно подтверждающая это иллюстрация, как «внешний враг», который «явным образом угрожает нам» своим «энергетическим оружием». И антироссийская программа действий, как ответ на второй вопрос, должна продемонстрировать компетенции

политического руководства ЕС по уменьшению зависимости вплоть до нулевого уровня от этого «внешнего врага», как будто именно он поднял цены на газ и создал энергетический кризис в Европе. Ибо, как известно, никакая бюрократия не способна признавать свои собственные ошибки и даже допустить саму возможность их появления.

Сомнительная диверсификация

Вот лишь один из примеров, который ставит под сомнение состоятельность всего плана руководства ЕС «стать независимыми от российских нефти, угля и газа». И 10 пунктов МЭА, и REPowerEU ЕК предлагают заместить как ненадежные «автократические» молекулы российского трубопроводного газа прежде всего поставками СПГ (который, таким образом, считается более надежным источником поставок), включая «молекулы свободы» СПГ США.

Но, по мнению Спенсера Дэйла, главного экономиста компании BP, которое он многократно и публично высказывал в разное время в разных мировых столицах, «Газпром» занял свою рыночную нишу на рынке газа ЕС (примерно треть) в результате того, что он выиграл ее в глобальной конкуренции, в том числе с глобальным СПГ. Это означает, что предполагается заменить более конкурентоспособный газ (то есть менее дорогой российский трубопроводный газ) на менее конкурентоспособный (то есть на более дорогой, поскольку СПГ США является рентабельным на европейском рынке только при более высоких газовых ценах, чем приемлемые цены для газпромовского газа).

План МЭА предлагает запрет на заключение новых газовых контрактов с Россией и их замену газом из альтернативных (нероссийских) источников. Невозобновление завершающихся российских ДСК (хотя ни у одного из них срок действия не истекает до конца года) снизит, по мнению МЭА, жесткие контрактные обязательства по отборам импортного российского газа покупателями (поскольку с ДСК уйдут и заключенные в них контрактные положения «бери-и/или-плати») и обеспечит большую гибкость для потребителей в рамках диверсификации поставок и поставщиков. МЭА предполагает найти примерно 30 млрд куб. м в год дополнительных газовых поставок из нероссийских источников.

ЕК в своем REPowerEU идет много дальше, предлагая в рамках антироссийских диверсификационных мер - подчеркну, до конца 2022 года - заместить российские поставки в объеме «50 млрд куб. м диверсификации СПГ» и «10 млрд куб. м диверсификации трубопроводного импорта». Это означает в сумме заместить 60 млрд куб. м существующего российского газового импорта, вдвое больше, чем предлагает МЭА, - и вновь подчеркну: до конца текущего года.

С одной стороны, это технически неосуществимо, ибо срок действия ни у одного из газпромовских контрактов не истекает до конца года. Посмотрим тем не менее на примере двух стран - Польши и Болгарии, у которых действующие ДСК с «Газпромом» заканчиваются в конце года, чем предполагается заместить российский газ.

Польша в течение долгого времени заявляет, что она ни при каких обстоятельствах не будет продлевать ДСК с «Газпромом» (10 млрд куб. м в год, заканчивается в конце 2022 года). Вместо этого руководство страны нацелено в первую очередь на СПГ США. Но, как было четко заявлено тогдашним президентом США Трампом польскому президенту Дуде во время их встречи в Варшаве в июле 2017 года (где Трамп остановился по пути на саммит «группы 20» в Гамбурге, и было это спустя месяц после прибытия первого метановоза с СПГ США на новый польский приемный регафикационный терминал СПГ в Свиноустье) в своем комментарии относительно многочисленных выгод замены российского газа на СПГ США, «это будет дороже стоить». Похоже на дополнительную ценовую премию за американские «молекулы свободы».

Польша также намерена поставлять газ из Норвегии по только что построенному трубопроводу Baltic pipe. Это означает - на основе норвежского-польского ДСК с оговорками «бери-и/или-плати», которые были необходимы как инвестиционный инструмент (и ДСК должен был быть подписан до начала) для строительства Baltic pipe, дабы гарантировать возврат инвестиций в проект. Таким образом, речь идет фактически лишь о размене российского ДСК с «бери-и/или-плати» на норвежский ДСК с такими же контрактными оговорками. Но сами положения «бери-и/или-плати» остаются в ДСК, независимо от сторон ДСК.

Болгария в середине марта впервые заявила, что вместо продления (возобновления) ДСК с «Газпромом» (3 млрд куб. м в год, заканчивается в конце 2022-го) страна планирует покупать трубопроводный газ из Азербайджана (из месторождения «Шах-Дениз» на каспийском шельфе) и СПГ США. Но замена поставок газа из российской диверсифицированной ГТС, закольцованной внутренними перемычками, на поставки газа из одного отдельно взятого месторождения означает увеличивать геологические и технические риски, которые фактически обнуляются, когда газ поставляется из системы бассейнового типа (как ГТС РФ).

Но даже когда и если это все случится, замещающие объемы будут доступны лишь после 2022 года, а никак не до конца года. То есть никак не попадут под заявленное целеполагание МЭА и ЕК по этому пункту. И в сумме я не вижу, из каких «альтернативных объемов» набирается 30 млрд куб. м МЭА, не говоря уже о 60 млрд куб. м ЕК.

С другой стороны, повышение диверсификации поставок за счет гибкого СПГ означает уменьшение надежности поставок, поскольку поставки СПГ (здесь уместна аналогия с ВИЭ) не вполне предсказуемы: они направляются не туда, где они сегодня более всего нужны, скажем в Европу, но туда, где сегодня наиболее высокие цены, а это большую часть времени - Азия. Это отличает поставки «гибкого» СПГ (что выставляется ему в плюс, хотя эта гибкость означает возможность ухода от одного потребителя к другому, то есть смену географии потребителей по решению портфельного поставщика в рамках арбитражных сделок) от негибких поставок трубопроводного газа, где поставки потребителю гарантированы положениями «бери-и/или-плати» ДСК и возможность маневра поставщика ограничена номинациями покупателя на поставки в рамках одной и той же трубы.

ВИЭ, водород, энергоэффективность

В своем плане «Перезагрузи ЕС!» от 8 марта ЕК обозначила три направления обретения независимости от российских энергопоставок: ВИЭ, водород, энергоэффективность. Они представлены в качестве универсальных решений для ЕС, чтобы «стать независимыми от российской нефти, угля и газа». Но автор, наоборот, рассматривает два из трех предложенных направлений как открывающие хорошие возможности для расширения энергетического сотрудничества ЕС и России на основе взаимной выгоды когда нынешняя «санкционная война» неизбежно подойдет к концу.

ВИЭ: Они не подходят для централизованного энергоснабжения, по крайней мере до тех пор, пока когда-нибудь в отдаленной перспективе не будет материализовано и коммерциализировано, поставлено на поток производство и использование крупномасштабных мощностей по долгосрочному хранению электроэнергии (в виде электронов или молекул или в иной форме). ВИЭ метеозависимы и поэтому несинхронизируемы (недиспетчеризируемы) с графиком электрической нагрузки, который имеет два пика (утренний и вечерний) и два провала (дневной и особенно ночной). Поэтому ВИЭ наиболее подходят, на мой взгляд, для децентрализованного, внесетевого электроснабжения небольших производственных (предпочтительно без непрерывного производственного цикла) и жилых объектов типа индивидуальных домохозяйств, где они могут быть скомбинированы с располагаемыми ныне батареями малой мощности или «незелеными» (в терминологии ЕС) резервными электрогенерирующими мощностями на основе органического топлива. Отмечу, что охваченное ныне идеями отказа от российских энергоресурсов политическое руководство ЕС как-то позабыло отчасти о приоритете зеленой повестки, ибо множатся предложения замещать - пусть и на время - более экологичный природный газ более грязным углем.

Отмечу также, что популярная ныне в Европе и набирающая популярность в определенных кругах и в нашей стране философия просьюмеров (prosumers - потребители сетевой электроэнергии, которые наряду с ней оборудовали свои жилища автономными источниками электроснабжения на основе ВИЭ и поэтому могут выдавать электроэнергию в сеть в период избытка ее производства на основе ВИЭ для их собственного потребления) при ее нарастающей реализации (нескоординированной выдаче электроэнергии ВИЭ в сеть) создает нарастающий комплекс проблем по диспетчеризации электрической нагрузки и создает угрозы технической устойчивости работы электроэнергетической системы по мере роста числа просьюмеров.

Водород: В Водородной стратегии ЕС (2020) ЕК безапелляционно предопределила выбор «возобновляемого водорода» (ВН₂, или «зеленый» Н₂) как не подвергаемый сомнению и/или оспариванию окончательный предпочтительный выбор ЕС в качестве основной водородной производственной технологии, отдав ему безусловное предпочтение по сравнению с другими технологиями низко- и/или безэмиссионного (без прямых выбросов CO₂) производства Н₂ из природного газа:

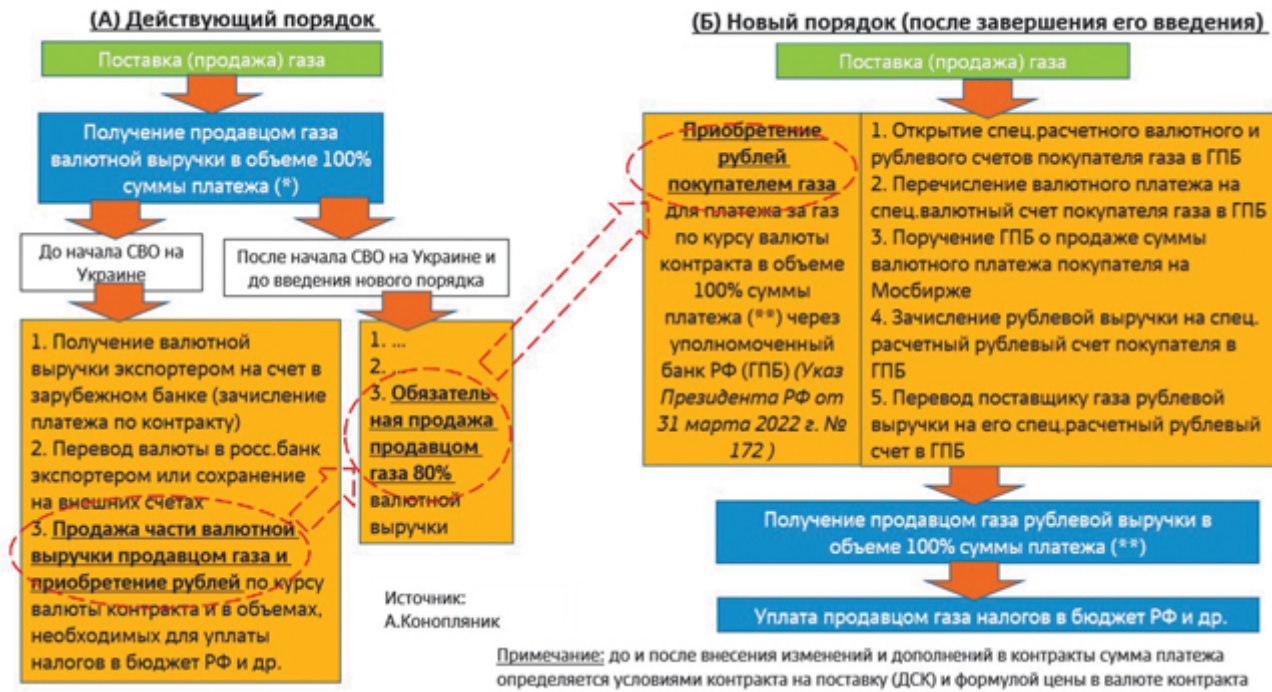
- низкоэмиссионного «голубого» Н₂ - на основе парового риформинга метана скомбинированного с установками улавливания и захоронения (и/или полезного использования) CO₂,

- безэмиссионного (без прямых выбросов CO₂) «бирюзового» Н₂ - на основе пиролизной группы технологий по производству Н₂ из метана.

«Зеленый» Н₂ оценивался как в три раза более дорогой в производстве по сравнению с «голубым» или «бирюзовым». Рост цен на газ временно изменил стоимостные соотношения водородных технологий. Однако для производства «зеленого» Н₂ в необходимых для ЕС прогнозных заявленных объемах есть множество иных сдерживающих факторов, о которых ЕК предпочитает не говорить: ограничения по территории (для размещения необходимых мощностей ветряных и солнечных установок), по чистой воде (для обеспечения работы электролизеров) и др. ЕК планирует установить 40 ГВт мощностей электролизеров в ЕС и еще 40 ГВт в ближнем к ЕС зарубежье - в Северной Африке, Западных Балканах, Украине - и импортировать оттуда ВН₂ в ЕС. Это означает создание новых трубопроводных систем, специально спроектированных под Н₂ (начиная с выдачи технических заданий принципиально иного уровня на изготовление металла для оборудования, которому предстоит работать с Н₂), поскольку существующие ГТС не подходят (не были спроектированы) для транспортировки Н₂ или метано-водородных смесей (МВС) с любой концентрацией Н₂ в смеси. «Водородное охрупчивание» разрушит металл трубопроводов и компрессорного оборудования, которые были запроектированы под метан с нулевым содержанием Н₂ в транспортируемой газовой смеси. Молекулы Н₂ слишком малы и подвижны и легко проникают в металл стыковочных швов трубопроводных секций с внутренней стороны трубы, поскольку отсутствует возможность заизолировать изнутри стыки при сварке секций.

Наилучшая опция, на мой взгляд, - производить Н₂ максимально близко к его потребителям в ЕС, в местах их концентрации, «водородных долинах» ЕС. Взаимовыгодный сценарий для ЕС и РФ - использовать существующую трансграничную разветвленную ГТС РФ-ЕС для продолжения поставок российского газа в Европу, теперь и в качестве сырья для производства в первую очередь «бирюзового» Н₂ (в прибрежных «водородных долинах» ЕС Северо-Западной Европы - и для производства «голубого» Н₂) на основе совместно доработанных (доведенных до ума) обеими сторонами технологий. Пиролизные технологии не дают прямых выбросов CO₂, наоборот, на каждую тонну Н₂ получаем выход 3 т побочного продукта - твердого углерода (сажи), который, в отличие от CO₂, является климатически нейтральным, легко и удобно складировается, если объемы его производства поначалу окажутся много выше способности существующих отраслей экономики его использовать. Но наличие этого побочного продукта приведет к резкому увеличению масштабов спроса на него для использования в существующих и новых отраслях экономики. Совместная коммерциализация пиролизных технологий - это перспективное направление для технологического сотрудничества России и ЕС в низкоэмиссионном развитии энергетики.

Рисунок 2. Что изменяет переход в оплате контрактов на поставку российского газа за рубли

Схемы расчетов за поставляемый газ. Схема автора

государства, промышленность, домашние хозяйства. Технологические усовершенствования уменьшают удельное энергопотребление и, таким образом, спрос на конечную и первичную энергию. Это меняет баланс спроса и предложения энергии и может привести к формированию избытка ее предложения, что будет двигать цены вниз. В странах-импортерах это уменьшит затраты на энергетический импорт, в странах-производителях потребность в меньших объемах первичной энергии сократит инвестиционные расходы на разведку и добычу все более дорогих месторождений ископаемого топлива (поскольку их освоение уходит в районы со все более сложными природными условиями) и даст возможность перебросить эти расходы на иные приоритетные направления.

Среди наиболее перспективных направлений работ по повышению энергоэффективности в ЕС прежде всего нужно назвать работы с текущим жилищным фондом, особенно с многоквартирными домами, в первую очередь в Восточной Европе. Это направление является, на мой взгляд, весьма (если не наиболее) перспективным для технико-экономического сотрудничества РФ и ЕС, поскольку значительная часть жилищного фонда в странах Восточной Европы (бывших странах СЭВ) была возведена еще на основе советских стандартов и нормативов, которые формировались во времена, когда энергия отпускалась по низким социальным расценкам и потому использовалась довольно расточительно, а экономические стимулы к энергоэкономии отсутствовали. Большие резервы энергоэкономии представляют также тепловые сети - от ТЭЦ в крупных городах или районных котельных в малых к зонам массовой жилой многоэтажной, многоквартирной застройки. Поэтому проблемы энергоэффективности в жилом фонде и тепловых сетях в РФ и восточноевропейских странах ЕС и возможные решения имеют много общего (растут из одного корня) и представляют хорошие стимулы для энергетического сотрудничества между РФ и ЕС после завершения СВО и выхода сторон в состояние «новой нормальности».

Вот совсем свежий пример высокого интереса со стороны ЕС к сотрудничеству в этой сфере, продемонстрированный буквально накануне взлета новой санкционной волны ЕС после признания Россией ДНР и ЛНР и начала СВО в Украине. После проведения в декабре 2021 года последнего на сегодняшний день заседания Рабочей группы 2 «Внутренние рынки» Консультативного совета по газу Россия-ЕС (РГ2 КСГ, единственный остававшийся действующим после «крымской весны» 2014 года канал неформального взаимодействия сторон в рамках энергодиалога РФ-ЕС, деятельность которой была, увы, приостановлена после февральских событий в одностороннем порядке со стороны ЕС письмом Еврокомиссии от 21 марта с.г. - попытки сопредседателей РГ2 КСГ удержать Еврокомиссию от этого шага, к сожалению, успехом не увенчались) именно тема энергоэффективности в жилом фонде и тепловых сетях была предложена руководителями РГ2 КСГ для обсуждения на следующем заседании, планировавшемся на февраль-март. И эта тема была немедленно активно подхвачена представителями германского Министерства экономики, которые выразили готовность поделиться соответствующим опытом, накопленным после объединения ФРГ и ГДР, и рассмотреть возможность его взаимовыгодного распространения как на страны Восточной Европы, так и на Россию. Сотрудничество в сфере энергоэффективности было бы наиболее эффективным и взаимовыгодным для обеих сторон и с эколого-климатических позиций.

И уж, конечно, несопоставимо более целесообразным, чем обреченные на неудачу попытки политических лидеров ЕС разорвать эту взаимовыгодную историческую взаимозависимость России и ЕС в энергетической сфере.

Газ за рубли

В условиях санкционной нервозности, когда не вполне просчитаны все санкционные и постсанкционные эффекты, каждое новое существенное действие той или другой стороны или даже объявление о таком действии, особенно если оно радикально меняет (или, как многим кажется, радикально меняет) порядок взаимодействия сторон, вовлеченных в санкционное противостояние и «обмен ударами», может взорвать информационное пространство.

Так и произошло с одним из контрсанкционных действий с российской стороны - с объявленным 23 марта с.г. президентом Путиным переходом с 1 апреля с.г. на новую схему расчетов за российский газ с покупателями из «недружественных» (по опубликованному списку) стран. Целеполагание ясное и недвусмысленно четкое: после заморозки валютных резервов ЦБ РФ на счетах в западных банках возник валютный риск повторения ситуации, который необходимо исключить/

минимизировать. Президент дал соответствующие поручения, в установленные в поручении сроки получил соответствующие предложения и 31 марта подписал указ № 172 «О специальном порядке исполнения иностранными покупателями обязательств перед российскими поставщиками природного газа».

За неделю между объявлением о новом порядке расчетов за поставляемый газ и опубликованием указа, где этот новый порядок детально прописан, многочисленные европейские лидеры и руководители ЕС «сочли необходимым отметить», но показали своими комментариями и безапелляционными суждениями свою полную неосведомленность, вплоть до нелепостей, и незнание контрактной практики и правил ценообразования на рынке газа. Предложение президента России было воспринято и прокомментировано многими на Западе (до появления указа) - причем на уровне первых лиц отдельных государств - как якобы очередное использование Россией газа в качестве «энергетического оружия». Что это-де грубейшее нарушение контрактной практики, стремление к одностороннему расторжению контрактов и что неизбежно вслед за этим грянет прекращение поставок российского газа в Европу. То есть происходило очередное искажение реальности, как и в случае с началом СВО, когда на Россию пытались переложить ответственность за энергетический кризис на европейском рынке (что, как было показано, произошло совсем по иным причинам и намного ранее). Поэтому, не вдаваясь в полемику западных политиков-непрофессионалов между собой по этому поводу, выскажу некоторые свои соображения в отношении описанного в указе президента нового механизма расчетов за экспортные поставки газа и последствий его применения.

На Западе политики представляют введение нового порядка оплаты экспортных поставок газа клиентам из «недружественных» государств, среди которых большинство европейских стран, как новый виток противостояния. Я же трактую предложение президента как «погашение карибского газового кризиса». Все мартовские события, описанные в статье и направленные на эскалацию противостояния ЕС с Россией в энергетической и в первую очередь газовой сфере, я расцениваю как своего рода «карибский газовый кризис» - по глубине его возможных последствий. Указ президента - это четкий сигнал и конкретная программа действий, как погасить, а не раздуть далее этот кризис.

В этой связи приведу несколько тезисов.

Первое, касающееся немедленных последствий. Многие говорят, что произошел переход к «оплате за рубли». Я предпочитаю и полагаю правильным говорить так: оплата газа покупателем сохранилась в валюте, но получение оплаты продавцом перешло на рубли. И тем самым убраны валютные риски и для наших европейских контрагентов - покупателей российского газа, и для нас - для «Газпрома» как продавца.

До настоящего времени оплата приходила на валютные счета продавца газа, которые были открыты за рубежом в иностранных банках (рис. 2-А). Считалось, что наш контрагент выполнил свои контрактные обязательства по оплате, когда он перечислил денежные средства на валютный счет продавца в зарубежном банке. Часть полученных средств продавец переводил в Россию на свой валютный счет. Переведенные средства он конвертировал в рубли для уплаты налогов и осуществления иных рублевых платежей. А оставляемые на валютных счетах за рубежом средства использовал для закупки там же товаров и услуг для поддержания производственной деятельности.

Изменение порядка расчетов за газ требует, чтобы покупатель российского газа открыл валютный и рублевый счета в уполномоченном российском банке - это Газпромбанк (ГПБ), уполномоченный банк «Газпрома» (рис. 2-Б). Валютные платежи за поставленный газ приходят на валютный счет покупателя в ГПБ, покупатель дает поручение ГПБ продать валюту на Мосбирже и зачислить полученные средства на его же рублевый счет, с которого рублевый эквивалент валютной выручки перечисляется на рублевый счет продавца все в том же ГПБ.

Такая схема одновременно:

- и устраняет «валютные» санкционные риски, поскольку валютный платеж приходит сразу в ГПБ, а не зависит в иностранном банке, где он может быть заморожен, как заморожены валютные резервы ЦБ РФ в иностранных банках «недружественных» стран (прецедент, однако). Все операции поэтому проходят после перевода валютного платежа в

рамках одной юрисдикции, а не между юрисдикциями. В противном случае есть риск цепочки последовательных эффектов домино: риск заморозки средств на валютных счетах в «недружественных» странах, значит, невозможность перевести их в Россию, конвертировать в рубли, заплатить налоги (одна цепочка негативных эффектов), уменьшится сумма располагаемых рублевых средств для продолжения производственной деятельности (другая цепочка негативных эффектов) и т.п.;

- и снижает транзакционные риски и издержки межбанковских операций, поскольку все операции осуществляются внутри одного банка и/или (если на Мосбирже) дилерами этого банка.

Второе, существенно важное в долгосрочной перспективе. Необходимо понимать, что перевод порядка осуществления сделок с газом на рубли - это лишь первый шаг. И спикер Госдумы Володин совершенно правильно нарисовал дальнейшую программу действий, имеющую конечной целью сокращение долларовой зоны в системе международных расчетов.

Те деньги, которые оставались продавцом газа на валютных счетах и должны были идти на закупку, например, оборудования для поддержания производственной деятельности, во-первых, могли быть заблокированы после начала СВО и введения санкций (см. выше про валютный санкционный риск). Во-вторых, многие товары, необходимые для производственной деятельности, под закупку которых на своих валютных счетах за рубежом продавец сохраняет валютные средства, попали под санкционные ограничения, и их теперь просто нельзя купить. Значит, придется покупать в третьих странах аналогичные подсанкционным товары, которые могут продаваться не за валюту контрактных платежей за газ (доллары или евро), а за другую валюту (национальную валюту третьих стран). Но тогда мы открываем новую зону возможностей в ответ на эти товарные ограничения.

Если покупка товаров в «недружественных» странах с валютных счетов в этих странах ныне связана с двумя группами рисков (валютными и товарными), а покупка аналогичных товаров из третьих стран связана с дополнительными транзакционными издержками (покупка через третью валюту, скажем, в юанях или рупиях через доллар или евро), то уход от этих рисков переводом всей выручки в рубли дает возможность начать расчеты с третьими странами напрямую, в нацвалютах, минуя расчеты через ставшую ненадежной валюту третьей («недружественной») страны. И проводится эти расчеты на рублевой основе будут в отечественной - российской - юрисдикции.

Третье - правомочность Российского государства на принятие таких мер, что подвергается политиками прежде всего европейских стран, утверждающих, что «переход в оплату газа на рубли» - неправомочное решение Российского государства, большому сомнению. Нарушен якобы принцип неизменяемости контрактов (sanctity of contracts) односторонним вмешательством государства и т.п. Бизнес предпочитает пока молчать, ждет письменных разъяснений от «Газпрома» (которые уже направлены в адрес контрагентов компании 1 апреля).

Однако у суверенного государства есть «право на регулирование» (right to regulate). Есть понятие «доктрина государственного принуждения». И принятие нормативного законодательного акта - указа президента - не оставляет у компании с госконтролем «Газпром» (которая является экономическим агентом государства в системе взаимоотношений «суверен-агент») иной возможности, кроме как действовать в соответствии с таким «государственным принуждением».

При этом позволю сослаться на то, что Евросоюз аналогичным образом неоднократно поступал по отношению к России и «Газпрому», опираясь на такую доктрину. Приведу лишь два наиболее громких примера:

- иск Директората по конкуренции к «Газпрому» в 2012 году: «Газпром» якобы нарушает правила конкуренции в Восточной Европе, в том числе необоснованно используя в своих контрактах ценовые формулы с нефтепродуктовой индексацией (иначе говоря, применяя ДСК groningenского типа). В результате долгих разбирательств ценовые формулы были адаптированы - в них была добавлена спотовая составляющая;

- принуждение «Газпрома» Еврокомиссией в 2003 году внести изменения в действующие ДСК после принятия Второго энергопакета ЕС. В соответствии с его новыми правилами существовавшие в российских ДСК «оговорки о пунктах конечного назначения» (destination clauses, также существенный элемент ДСК groningenского типа) оказались противоречащими новым правилам конкуренции, и было потребовано их устранить. Что и было в итоге сделано сначала трехсторонним соглашением «Газпром»-ЭНИ-Еврокомиссия, потом «Газпром»-Рургаз-Еврокомиссия и т.д.

Таким образом, и Российское государство имело полное право скорректировать порядок расчетов за газ, поставляемый на экспорт.

А в интересах ли Европы отказываться от российских энергопоставок?

Пройдет время, СВО в Украине придет к своему логичному и предопределенному завершению, и в Европе наступит неизбежное осмысление и переосмысление дальнейших путей развития в изменившемся мире.

Станет ли Европа продолжать следовать в русле трансатлантической солидарности антироссийским санкциям и тем самым возлагать на себя бремя дополнительных затрат (в первую очередь в энергетике), что будет ухудшать благосостояние европейских граждан и конкурентные позиции ЕС на глобальных рынках? Это неизбежно произойдет вследствие того, что все альтернативы российским энергопоставкам являются более дорогими и/или менее надежными с точки зрения геологии, техники, экономики.

Или Европа продолжит развитие взаимовыгодного сотрудничества с Россией, поскольку Европа и Россия продолжают быть неразрывно связанными (в том числе трансграничной стационарной капиталоемкой энергетической инфраструктурой) и поэтому взаимозависимыми вот уже полвека в энергетике, и в течение многих веков - общими страницами культуры и истории.

Поэтому залогом будущего процветания Европы является сохранение и дальнейшее развитие ее взаимовыгодного взаимодействия и сотрудничества с Россией. Это то, чего США опасаются больше всего и чему они стараются постоянно воспрепятствовать, поскольку Европа в сотрудничестве с Россией является сильным конкурентом США на глобальных рынках, где эффективное взаимодействие России и ЕС в энергетике является фундаментом укрепления конкурентных позиций обеих стран в глобальной экономике и за пределами энергетических рынков и отраслей.

Сегодняшнее заявленное европейское стремление к развитию ВИЭ, H2 и энергоэффективности, с моей точки зрения, не нужно рассматривать как осознанный обоснованный выбор для реализации провозглашенных специфических задач по замещению российских энергопоставок в Европу. Такое целеполагание - это суетный, сиюминутный, не просчитанный больше чем на шаг вперед (если вообще корректно просчитанный даже на шаг) политизированно-пропагандистский подход «Еврокомиссии двоечников», и заявленного целеполагания реализовано не будет, потому что реализовано быть не может. Но его надо рассматривать как естественный шаг вперед к новому технологическому укладу, основанному на низкоэмиссионном экономическом развитии, от нынешнего, имеющего высокоэмиссионный характер. По аналогии с тем, как в прошлом, после энергетического кризиса 1970-х годов, мировая экономика начала свое движение от энергозастойного технологического уклада в сторону уклада преимущественно энергоэффективного.

Движение в сторону низкоэмиссионного технологического уклада создает новое конкурентное пространство, в котором и экономические и эколого-климатические соображения имеют определяющее значение. Суверенные государства должны использовать свое «право на регулирование» с разумным (необходимым и достаточным) вмешательством в экономику для установления недискриминационных «правил игры», обеспечивающих fairplay. И затем уже на основе этих правил открытый рынок решит, какие и чьи технологические решения по обеспечению устойчивого, доступного и надежного (безопасного) энергоснабжения наилучшим образом сработают в интересах граждан всех стран, входящих в состав Большой энергетической Европы.

